

ТРИ ТИПА ЭККЛЕЗИОЛОГИИ

Новое время, эпоха Реформации и Контрреформации, «просвещения» и антихристианских революций, славянофильства и ватиканского догмата, все сильнее заставляет задумываться над экклезиологией. На юридический редукционизм папизма целый ряд православных богословов ответил евхаристическим пониманием экклезиологии. Но не есть ли оно также редукция? Можно ли в его рамках описать сложную реальность Вселенских Соборов, патриархатов, массового монашества? Тяготясь этой классической действительностью, евхаристическая теория неизбежно тяготеет к объявлению ее постклассической, а золотым веком оказывается доконстантиновская эпоха. Задачей научного описания является, однако, не ностальгическое оплакивание давно прошедшего и не утопическое конструирование будущего. Только точное видение специфики всякого времени и места прояснит наше церковное сознание в настоящем и поможет совершенствованию церковного устройства для будущего.

Обращаясь к Византийской эпохе, которую по многим параметрам приходится считать классической, мы не находим в ней единой экклезиологии и можем выделить три типа учения о Церкви. Евхаристическому подходу наиболее соответствует епископально-иерархическая экклезиология. Она значительно осложнена введением градаций в епископат. Уже 34-е Апостольское правило объявляет структурной единицей Церкви *ethnos*, то есть население провинции, где есть несколько епископов и один из них — «первый». Епископат провинции представляется «единомысленным» по аналогии со Святой Троицей, но поскольку памятник, как признают все современные исследователи, исходит из арианской среды, эта аналогия подчеркивает неравенство епископов провинции. Еще сложнее стала картина после того, как над митрополиями возвысились кафедры, ставшие патриаршиями. В трех центрах — Риме, Александрии и Константинополе —

начал развиваться папизм. Римский папизм начал проявляться очень рано. Папа святой Лев I Великий требовал, чтобы Халкидонский Собор не обсуждал догматы, но чтобы все епископы подписались под «Томосом» Льва Флавиану. Этого не произошло, и Собор дал свое определение веры. Папа требовал, чтобы председательствовали на Соборе его легаты. Председателями в Халкидоне стали императорские чиновники. Только на одном из 17-ти заседаний, когда обсуждался предрешенный вопрос об осуждении Диоскора, легатам было предоставлено руководить заседанием. Легат Пасхазин подписался под соборными определениями как «викарий... вселенской Церкви епископа (по лат. папы) града Рима Льва». Притязания Рима на Востоке до времени не оспаривались. Часто они тихо игнорировались. Иногда они одобрялись в не слишком обязывающих аккламациях, как на том же IV Вселенском Соборе: «Петр проглаголал устами Льва!» Иногда согласие выражалось даже в официальных постановлениях. Так, Юстиниан I в «Кодексе» называет папу «главой всех святейших Божиих иереев» и «церквей» (I, 1, 7-8), а себя смиренно именует «сыном» папы. Правда, это было тогда, когда Юстиниан еще не простер свою власть на Рим и был весьма заинтересован в союзе с папой; позднее, когда он беспощадно манипулировал папой Вигилием, уже не было речи о степенях родства. На Востоке не могли с полной серьезностью относиться к римским притязаниям уже потому, что у западного папы были конкуренты — прежде всего, папа Александрийский, искавший если не всемирного главенства, то первенства на всем Востоке. Это не было простой политикой: притязания облекались в идеологию, в чем-то шедшую даже дальше римского папизма. Достаточно обратить внимание на древний титул Александрийских патриархов: «13-й апостол, судья вселенной» и даже «архиерей архиереев». После целого ряда скандальных попыток захватить власть над Константинополем и над всем Востоком, после того, как ослабевшая императорская власть передала Александрийскому папе, по его требованиям, гражданскую власть в Египте, притязания первоиерарха нашли удовлетворение в сепаратизме под знаменем монофизитства. Наконец, проявился в истории и Константинопольский папизм. В «Исагоге», законе или законопроекте конца IX в., патриарх описывается как «живой и одушевленный образ Христов,

делами и словами (в себе самом) начертающий истину». В этих прекрасных словах мы находим отклик древних представлений о *епископе*. Когда же «Исагога» переходит к епископу, она выражается совсем иначе: «Епископ — хранитель и попечитель всех воцерковленных душ его епархии, имеющий власть поставления пресвитера, диакона, чтеца, певца и монаха». Патриарх Антоний IV пишет в Москву: «Я — всеобщий учитель всех христиан... Патриарх имеет место Христа и восседает на Его владычном престоле... Кто чтит патриарха, чтит Самого Христа». Но полного развития константинопольский папизм достиг в эпоху туркократии, чему способствовал и теократический строй Османской державы. Некоторые поместные Церкви были поглощены Константинопольским патриархатом (Тырновская и Печская патриархии, Охридская архиепископия), а сохранившие формально автокефалию (Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский патриархаты, Кипрская Церковь) фактически стали автономными под верховной эгидой Нового Рима.

Наряду с епископальной экклезиологией существовала экклезиология имперско-монархическая. Уже Евсевий Кесарийский видел в императоре «некоего общего епископа». Юстиниан в своей знаменитой теории симфонии, предоставляя епископам область молитвы, оставляет за собой заботу «и об истинных Божиих догматах, и о чести священников», то есть, иначе выражаясь, *jus docendi et administrandi*. Императоры созывали Вселенские Соборы, председательствовали на них сами или в лице своих чиновников, утверждали их решения. На иконах император изображается всегда во главе Вселенского Собора, даже если исторически на данном соборе он отсутствовал. И это оправданно: Юстиниан, даже отсутствуя, руководил V Вселенским Собором и даже приказал ему порвать общение с папой Вигилием. Императорская привилегия *princeps legibus solutus est*, неоднократно подтвержденная византийским законодательством, проявлялась, в частности, в том, что император не подлежал прецедентам за вероучительные погрешности: бывали императоры-еретики и даже ересиархи, но никогда ни один из них не был анафематствован или отлучен. Григорий Богослов прославляет арианина Констанция как божественнейшего и христоролюбивейшего из царей, имевшего отличное благочестие. Соотношение императорской и иерархической властей наглядно

выразилось, когда дважды патриархами Константинопольскими назначались 16-летние царевицы — святой Стефан, младший брат Льва VI, и Феофилакт, сын Романа Лакапина. Неудобного патриарха император всегда мог сместить; а патриархи, если и принимали участие в свержении императоров, никогда не были главной действующей силой переворотов. Имперская экклезиология отразилась и в богослужении. Вот, к примеру, служба Недели Православия, где вспоминается восстановление иконопочитания в 843 г. В службе не говорится ни о каких иерархах, участвовавших в тех событиях, ни об иерархии в целом. Упоминается только Василий Великий как богослов образа и несколько иерархов-еретиков далекого прошлого. Зато постоянно повторяются имена императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила. Происшедшее церковное событие произошло «изволением Феодоры», «богодвижным мановением и советом Михаила и Феодоры», «свет незаходимый нам благочестия воссия, велением богодухновенным верных царей и манием богомудрым». Еще одна важная особенность имперской экклезиологии. Противоборствовавшие церковные партии настаивали на своей исключительности и обычно стремились к каноническому уничтожению противника. Империя видела свою задачу в примирении и соединении всех. Согласно этой экклезиологии, церковный спор не означает отпадения от Церкви неправых: это спор внутри Церкви, спор двух частей Церкви. «Видяще... разстоящяся уды Христовы, совокуплены во единство, Бога похвалим мир подавшаго». В духе этой экклезиологии и ересь понимается не как болезнь отдельных людей, которые, едва заразившись, сразу отпадают от Церкви, но как страдание самой Церкви: «Обнажается сетования и тьмы ересей Христова Церковь, и носит ризу веселия, и Божественною и светоносною покрывается благодатию». Было бы соблазнительно видеть в этой иренической, миротворческой экклезиологии аналог экуменизма, но это было бы ошибкой. Объединение расстоящихся происходит, в рамках имперской системы, на основе Православия (или того, что Империя в данный момент считает православием). Было только два момента, о которых можно с основанием говорить в экуменических тонах. Это «Энотикон» Зинона и «Типос» Константа II, каковые указы должны были, по мысли законодателей, привести к мирному сосуществованию и церков-

ному общению разномыслящих. Но, по-видимому, такое существование не считалось нормой и должно было быть всего лишь переходным периодом к обретению единомыслия.

Третий тип экклезиологии — монашеский. Эта экклезиология, будучи клерикальной, во главу Церкви ставит не епископа, а духоносного старца. Один из ярких ее представителей — преп. Феодор Студит, бесстрашно противостоявший и иконоборческим патриархам, и императорам, но больше всего известный противостоянием патриархам не только православным, но и святым — святителям Тарасию и Никифору. Он видел мир как большой монастырь, считал монахов лучшей частью христианского общества, требовал, чтобы патриархи и епископы выбирались из «игуменов, столпников, затворников», обосновывал свое право обличать иерархию прецедентами ветхозаветных пророков.

Эти три типа экклезиологии могли существовать не только в чистом виде, но и в различных сочетаниях, в чем проявлялись и личные особенности, и особенности исторических периодов.